

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА КУРЕНЦОВА

A. I. Kurentsov's Annual Memorial Meetings

2019

вып. XXX

<https://doi.org/10.25221/kurentzov.30.02>

<http://zoobank.org/References/C9CDE262-AE86-4AA0-9843-4A93F2B77C4F>

КОЛЛЕКТОРЫ-НАТУРАЛИСТЫ ДИНАСТИИ РЮКБЕЙЛЬ: СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ И ДОБЫТЫХ ИМИ НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Е.В. Новомодный¹, Е.Э. Шергалин²

¹ КГБНУК «Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова», г. Хабаровск
E-mail: evgenov@mail.ru

² Мензбирское орнитологическое общество, Таллинн, Эстония
E-mail: zoolit@mail.ru

Авторы продолжают публикацию результатов своих исследований жизненных обстоятельств, трудовой активности и научного наследия трёх поколений семейной династии Рюкбейль, известных препараторов-таксидермистов фирмы Рудольфа Танкрэ (см. Новомодный, 2018). На основе изучения архивных документов и литературных источников рассматриваются не только их коллекторская деятельность, но и малоизвестные производственные отношения в среде торгующих «натуралиями» работодателей, заказчиков и исполнителей.

В докладе на XXIX «Чтениях памяти А.И. Куренцова» нам впервые представилась возможность обобщить сведения о фабриканте Рудольфе Танкрэ, дилере зоологических коллекций из г. Анклам в Померании, и его препараторах из династии Рюкбейль, работавших на российском Дальнем Востоке и в Центральной Азии (Новомодный, 2018). Многочисленные и качественные сборы сделали предметными научные исследования нескольких поколений зоологов. В немалом количестве они представлены в крупнейших мировых фондохранилищах коллекционного материала по млекопитающим, птицам и насекомым. После просмотра более трехсот печатных источников, знакомства с хранящейся в архиве перепиской В.Е. Рюкбейля с Н.Ч. Ротшильдом и при деятельном участии коллег удалось приблизиться к осуществлению намеченной цели: проследить их жизненный путь и оценить достижения. Сообщение развивается начатую в 2018 г. тему, поэтому мы иногда будем повторяться. Прежде

всего, напомним, что немецкая фамилия «Rückbeil» в России транслируется в двух формах: «Рюкбейль» и «Рикбейль».

О просвещенном «торговце-натуралисте» Рикбейле из Сарепты на Волге первым оповестил научную общественность орнитолог Н.Н. Арцыбашев, в 1858 г. изучавший местную фауну птиц (Artzibascheff, 1859, 2015; Белик, 2017). Он писал, что для базирования выбрал ближнюю деревню «Чапуринку по той причине, что в ней есть охотники, поставляющие свою добычу для нескольких колонистов из Сарепты, наладивших зоологическую торговлю с заграницей». Видимо, благодаря этому и завязалось знакомство. Арцыбашев сразу купил у него несколько птичьих шкурок и получил консультации. Такие, как, например: «Господин Рикбейль уверял меня, что несколько раз в этой местности наблюдался малый баклан» и «он встречается также на Кавказе, у границы с Персией»; фламинго «очень обычны возле устья Эмбы и по берегам залива Каспийского моря, называемого Мертвый Култук». Вероятно, такая осведомленность была достигнута широтой круга сборщиков или же его собственными поездками. «Еще много видов птиц я увидел в качестве шкуркового материала у г-на Рикбейля, препаратора из Сарепты, и попросил его собрать кое-что для меня, но, вернувшись из Астрахани, к своему великому сожалению, узнал, что он отправил за границу все свои весенние и летние коллекционные сборы; досада моя была тем большей, что я рассчитывал найти у него те виды, которые не смог добыть сам» (цит. по Artzibascheff, 2015). Причина нелогичного, грубого поступка по отношению к брату по интересам стала ясна из переписки Василия, внука Рикбейля с Н.Ч. Ротшильдом [Rothschild, Nathaniel Charles, 1877–1923], специалистом по блохам Siphonaptera (подробности далее). Приводим отрывок из письма от 24 декабря 1912 г. Авторский стиль, лексикон и пунктуация сохранены, написание слов современное.

«Предвидя впереди много хлопот по собиранию птичьих гнезд и по приготовлению для них ящичков и ящиков со стеклянными крышками, и желая захватить для этого более обширный район, по которому придется делать частые разъезды, нахожу необходимым обратиться к Вам с просьбой прислать мне вперед 500 рублей (250 долларов), в крайнем случае 300 рублей (150 долларов), которые я желал бы взять на следующих условиях: что Вы будете рассчитывать по той цене, какую назначали для паразитов местностей Аксу. Со своей стороны я обязываюсь возвратить Вам деньги, если почему-либо не наберу паразитов на эту сумму, задержав лишь ту сумму, на которую будут собраны паразиты. В таком случае что если этих паразитов окажется много разнородных видов, то я надеюсь собрать их не менее как на 1000 рублей. Я буду собирать паразитов и в том случае, если Вы и не решитесь выслать мне вперед просимых денег, но скажу правду, что тогда сборы не будут так значительны, особенно по количеству видов, а мне очень хотелось бы удовлетворить Вас так, чтобы Вы и на будущие годы поручали мне сборы паразитов». Итак, все дело в задатке: обычно аванс уже истрачен, денег нет, нужно поскорее рассчитаться, чтобы сполна получить за сбор!

Следующее по времени упоминание этого лица нашлось у русского зоолога и путешественника Н.А. Северцова (1827-1885) в статье о микроскопических

исследованиях происходящего у некоторых птиц изменения окраски брачного оперения в связи с линькой. «Я видел птиц, о которых идет речь, у господ Глича и Рикбейля в Сарепте» (Severtzof, 1863). Следовательно, они были знакомы. Константин Теодор Глич (1820–1883), горчичный фабрикант и по жизни безудержный коллекционер всего и вся, много лет собирал коллекции птичьих дериватов (чучел и шкурок) и яиц, имел собственный орнитологический кабинет, лично общался и переписывался с российским академиком Карлом Эрнстом фон Бэром (1792–1876) (Вашкау, 2009). Он является автором научной статьи о степной антилопе *Saiga tatarica*, где сообщал (не без рекламы!), что может «порекомендовать господам директорам зоологических садов, а также другим любителям, которые захотят приобрести антилопу сайгака для содержания в неволе, обратиться к г-ну Вильгельму Рюкбейлю в Сарепте (Саратовская губерния)» (Glitsch, 1865).

По материалам К.Т. Глича «были опубликованы две работы выходца из саксонского г. Гернгут, вблизи Дрездена, Г.Ф. Мёшлера (Moeschler, 1853 a,b), в которых приведен список птиц с указанием характера их пребывания и относительной численности, а также комментарии по многим редким и интересным видам Нижнего Поволжья» (Белик, 2017). Судя по объявлениям в зоологических газетах и журналах, в те времена купец Мёшлер [Möschler, Heinrich Ferdinand, 1800–1885] был крупным немецким дилером «натуралиев» – из когорты таких знаменитых, как дрезденские Штаудингер [Staudinger, Otto, 1830-1900] и Шауфусс [Schaufuß, Ludwig Wilhelm, 1833–1890] или Шлютер [Schluter, Wilhelm, 1828–1919] из г. Галле-на-Заале. По нашим сведениям, в Гернгутской общине Моравской церкви [официальное название Unitas Fratrum («Братское единение»)] он занимал одну из ключевых должностей – был бухгалтером Центральной Дирекции, высшего исполнительного органа, поэтому наверняка инспектировал миссионерскую колонию гернгутеров Сарепту, возникшую в 1765 г. на Волге, в 28 верстах ниже Царицына. Она «составляла одну коммуну: все постройки, фабрики, заводы и промышленные предприятия принадлежали общине, члены которой были ее рабочими, получали от нее в виде жалованья все необходимое для жизни; но с увеличением хозяйственного оборота часть производства и имущества раздали его членам в частную собственность, с обязательством уплатить стоимость общине в рассрочку» (Дитц, 1997). Со временем частная собственность на средства производства стала преобладающей. Появились крупные фабриканты и их семейные кланы, но, несмотря на немецкую предприимчивость и трудолюбие, поселение в финансовом плане было недостаточным, оно дотировалось и управлялось из Гернгута. Поэтому предприятие Мёшлера и связанных с ним сборщиков нельзя считать лишь самодеятельностью, это отношения метрополии и колонии. Попутно отметим, что его сын Генрих [Möschler, Heinrich Benno, 1831–1888], известный лепидоптеролог и наследник отцовского дела, был с детских лет близким другом гернгутера Г.Т. Христофа, привлекшего наше внимание своим вояжем на Дальний Восток (Новомодный, 2007). Недавно вышедшая публикация напомнила энтомологам, что Христоф разбирался не только в чешуекрылых. Нацеленный на поиск зоологических новинок, он распознал степную гадюку *Vipera ursini renardi* (Christoph, 1861) в качестве особого вида (Бакиев, 2012).

Мы не знаем, с какого времени проживал в Сарепте Ф.В. Рикбейль (годы жизни: 1812– после 1877). Одновременно с интересующим нас семейством в 1877 г. в списках гернгутеров значилось еще восемь носителей фамилии (в трех семьях), что дает повод думать об основателях колонии (Вашкау, 2009). Столяр по профессии, Фридрих Вильгельм занимался не только шкурками птиц и мелких зверей. По данным начальника отдела истории и этнографии музея-заповедника «Старая Сарепта» В.Н. Медведева (г. Волгоград), он был еще красильщиком, строителем и охотником (В.П. Белик, перс. сообщение). Плодовитый на научные статьи коллектор, ботаник и энтомолог Александр Беккер (1818–1901) послал в «Бюллетень Московского Общества испытателей природы» взятый у Рикбейля список птиц, собранных в 1849–1852 гг. (Besker, 1853). Провизорно мы можем считать эти годы началом работы Фридриха Вильгельма в качестве препаратора-таксидермиста. Имя беккеровского информанта стало известно много позже из статьи орнитолога М.Н. Богданова (1871). Хотелось бы считать это случайной оплошностью издателя.

Дело в том, что сын богатого предпринимателя А. Беккер был среди сарептян самым активным коллектором и торговцем «натуралиями». Если судить по обильной рекламе, он, в отличие от Г.Т. Христофа (сотрудника Мёшлера-младшего и О. Штаудингера) и Ф.В. Рикбейля, видимо, работал только на самого себя. Чему другие могли только завидовать. В качестве ботаника-флориста свыше пятидесяти лет он был платным сотрудником Санкт-Петербургского Ботанического сада, что было особо подчеркнуто в сборнике, выпущенном к 200-летию учреждения. «К числу весьма полезных и деятельных собирателей и путешественников нужно отнести А.К. Беккера. В течение десятков лет (начиная с 1864 г.) он собирал растения то возле самой Сарепты, то ниже ее по течению Волги, то предпринимал путешествия на Кавказ (Дагестан), в Закаспийскую область. Все свои многочисленные сборы он посылал в Ботанический сад (за известное вознаграждение), и все они были обрабатываемы [его директором] Траутфеттером [Trautvetter, Ernst Rudolf von, 1809–1889], описавшим в честь Беккера несколько новых видов» (Фишер-фон-Вальдгейм, 1913). Одновременно шел сбор насекомых из многих отрядов. По свидетельству современника, «энтомологические и ботанические собрания Беккера отличаются тщательностью. Высушенное растение с этикеткой стоит 3 копейки серебром, насекомое (смотря по редкости) от 10 копеек до 1 рубля серебром» (Корнилов, 1859).

А как ценил свой труд В. Рюкбейль? Из письма У. Ротшильду от 7.01.1912 г.: «Обращаю Ваше внимание на то, что кроме собирания естественнонаучных предметов я не имею других занятий, а поэтому Вы вполне можете рассчитывать получать хорошую добычу. При сём сообщаю Вам, что я могу собирать разного рода насекомых как то: Lepidoptera, Coleoptera, Hemiptera, Hymenoptera, Diptera, Neuroptera и др. Всех насекомых только что упомянутых могу продавать по следующим ценам: по 80 пфеннигов каждый экземпляр одного рода по 10 шт.; по 40 пфеннигов каждый экземпляр того же рода от 11 до 20 шт.; следующие экземпляры того же рода до 50 шт. по 20 пфеннигов».

Для казанского орнитолога М.Н. Богданова (1841–1888) личная коллекция и многолетние наблюдения Василия Иоганновича Рюкбейля (обрусаченные имя и отчество Фридриха Вильгельма) стали настоящим кладом информации при подготовке сводки «Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги» (Богданов, 1871). В указанной монографии в 100 видовых очерках по птицам (из 293) и в 6 (из 56) по млекопитающим он приводит сведения, полученные от Рюкбейля, не забывая уважительно на него сослаться. Позднее, в обзоре результатов научных исследований региона, при упоминании заслуг «некоторых любителей и коллекторов» и того, что «главное гнездо таких собирателей есть Сарепта», Богданов отмечал, что «энтомология Арало-Каспийского края далека от полноты. Есть огромные площади, на которых еще не ступала нога зоолога, таковы, например, степи по системе Тургаев, Голодная степь, прибалхашские степи, степи на юг от Аму-Дарьи; все они, особенно степь за Аму[-Дарьей] сулят богатую поживу не только энтомологам будущего, но и представителям вымирающей фауны энтомологов-систематиков, для которых *nova species* составляет *pia desideria* [«заветные мечты» (лат.)]» (Богданов, 1875). Как верно подметил он сложившуюся ситуацию! Действительно, сборщикам из Сарепты стало слишком тесно в конкурентной борьбе. Его предсказание исполнилось уже в следующем году: как известно, сразу трое из них отправились в путь (Новомодный, 2007). Только сначала вектор движения был направлен в сторону российского Дальнего Востока. Видимо, его фауна была в дефиците!

Почему в 1876 г. Г.Т. Христоф выехал из Сарепты один, а юные братья Рюкбейль встретили его в Москве? Мы предполагаем, что перед серьезной поездкой они побывали в Анкламе у хозяина, прошли инструктаж, учебу или проверку навыков препараторского искусства, «собираясь заниматься лишь шкурками и яйцами птиц для фирмы Танкрэ» (Staudinger, 1892). Однако, помогая Христофу в свободное время, один или сразу оба увлеклись сбором насекомых. Молодые люди после трехмесячной работы вместе бросили старшего товарища по экспедиции, отправившегося в опасное из-за бесчинства хунхузов Приморье, а сами зазимовали в Радде (Christoph, 1878). Это были Альберт Вильгельм (1848 г.р.) и Вильгельм Евген (1854–1906), которых наравне с отцом иногда зовут знаменитыми орнитологами Сарепты (Сагалаев, Курьшёв, 2010). Согласно сделанным позднее дополнениям к списку гернгутеров-колонистов за 1877 г., в 1878 г. у младшего из братьев родился сын, названный Василием, а в 1881 г. – второй, Егор (Вашкау, 2009; Новомодный, 2018). Это может означать одно: младший женился на амурской казачке! «Один брат поселился в Благовещенске» (Staudinger, 1892). (В своих фундаментальных обзорах фауны чешуекрылых Приамурья (1888, 1892, 1897) в связи с Рюкбейлем О. Штаудингер называет лишь это место проведения сборов). «Другой в течение ряда лет собирает в Центральной Азии», но мы беремся доказать, что речь в обоих случаях только об одном – Евгене.

Принадлежность казаков к привилегированному полувоенному сословию была наследственной, им запрещалось переходить в другие. Они не платили подати, имели большие льготы от государства. Вряд ли жена захотела сразу

уезжать, ведь молодые обычно не отделялись, а продолжали жить вместе с родственниками, вести общее хозяйство, потому что у казаков в беспокойном приграничье в обычае было иметь большие дома-крепости (казацки курени), рассчитанные сразу на несколько семей. Немец Евген провёл в Благовещенске несколько лет. В городе он мог заниматься чем угодно, например, служить в одной из многочисленных фирм его соплеменников, в те годы снабжавших амурское население всем необходимым, но в какой роли чужак мог выступать в Раддевской станице? Безусловно, лишь как организатор сбора насекомых и добывания охотничьих трофеев, благо с этим в богатых жизнью горах Малого Хингана проблем не возникало. Использовал своих родственников: Хариных, Кобызовых, Епифанцевых – как охотников, так и детвору (Новомодный, 2018). Кто-то даже выезжал для этого в Приморье: «позднее и рюкбейлевский шурина, простой казак, собирал... [также и] на Уссури» (Staudinger, 1892).

Точно известно, что на западе Центральной Азии, в Семиреченской области Туркестанского губернаторства, проживал именно Вильгельм Евген. В подтверждение нашей гипотезы о том, что на Амуре (а также Алтае и Саур-Тарбагатае) жил и работал тоже он, мы поступимся хронологией событий и приведем свидетельство немецкого географа М. Фридрихсена [Friederichsen, Max, 1874–1941], в 1902 г. в качестве геолога участвовавшего в экспедиции на Тянь-Шань геоботаника В.В. Сапожникова (1861–1924).

Фридрихсен писал, что, двигаясь по дороге вдоль южного берега оз. Иссык-Куль на восток, 20 июня они въехали в крестьянское селение Покровское на высоте 1780 м над у.м. (ныне с. Кызыл-Суу, в 38 км западнее г. Каракол, который дважды, в 1889–1922 и 1939–1992 гг., назывался Пржевальском). «Это был кусочек Европейской России на земле Центральной Азии, с ее широкими улицами, русскими бревенчатыми избами и светлой маленькой церквушкой. Недалеко от деревни, в ее восточном дальнем конце, среди ухоженных садов, в красивой роще деревьев, стоял уютный дом непривычного стиля и внешнего вида, окрашенный в белый и зеленый цвета. Перед фасадом был вырыт искусственный пруд, на котором плескалась стая уток. Все это выглядело так привлекательно, что живо напомнило образ ухоженного немецкого домовладения, и я не удивился, узнав, что здесь, в Покровском на Иссык-Куле, в этом опрятном доме живет мой соотечественник, житель Померании Рикбейль, из Анклама [в оригинале: «der Pommer Riekbeil aus Anklam»]. К сожалению, этот господин отсутствовал. Он был на энтомологических и орнитологических сборах в восточном Тянь-Шане. Присутствовали только хозяйка дома, сын и замужняя дочь [оказывается, кроме Василия и Егора у них была дочь]. Поскольку мать их была русская, дети этого господина лишь немного говорили по-немецки. Сначала для реализации задач организации энтомологических и орнитологических сборов главы семейства семья скиталась по Амурской и Алтайской губерниям, но исполнилось уже 16 лет с того времени, как они поселились в Покровском [то есть жили здесь с 1886 г.]. За домом раскинулся ухоженный фруктовый сад, по густо увешанным плодами ветвям яблонь и груш которого воочию можно было убедиться, насколько плодородна на восточном берегу Иссык-Куля почва, если ее рационально обрабатывать. Зоологические коллекции г-на Рикбейля по

птичьим дериватам, яйцам и насекомым также произвели очень благоприятное впечатление, так как были аккуратно уложены и со знанием дела определены, чем резко отличались от того беспорядка в хранении, которое мы недавно обнаружили у русского коллекционера из той же деревни [Василия Ивановича Знаменского]. Кстати, умение и компетентность г-на Рикбейля, как я выяснил позже на родине, хорошо известны в Европе, особенно в Германии, и этот пионер немецкой культуры в сердце Русской Азии пользуется заслуженным уважением, особенно в кругах энтомологов. Во всяком случае, в такой безмятежной, задушевной обстановке мое сердце дрогнуло, и я с большой неохотой и сожалением отвернулся от этой дружелюбной немецкой усадьбы на берегу Иссык-Куля» (Friederichsen, 1904). Его слова подтверждают предположение о продолжительном (4–5 лет) сроке пребывания семейства на Дальнем Востоке. Непонятно, почему Рюкбейль – «житель Анклама в Померании». Там ведь находился глава фирмы – Р. Танкрэ. М. Фридрихсен, видимо, спутал, кто на кого работал и откуда был родом.

Наш орнитолог П.П. Сушкин был очень плохого мнения о статье Е.Ф. фон Гомейера и К.А. Танкрэ (1883), основанной на «сделанных на Алтае и в прилежащих местностях» сборах птиц. В научном смысле ее испортили сами авторы, не назвав ни точных местонахождений, ни фамилии препаратора. «Из литературы... и по слухам известно, что это был Рюкбейль, известный также как прекрасный сборщик и в энтомологической литературе» (Сушкин, 1938). «По составу списка можно заключить, что Рюкбейль жил где-то в южных частях Алтая, не забираясь в более высокие центральные или юго-восточные его районы. А.М. Никольский (см. ниже) встретил Рюкбейля в Катон-Карагае [село, а ранее казачья станица Алтайская, основанная в 1871 г.], и оттуда же заведомо происходят птицы, добытые Рюкбейлем и хранящиеся в разных музеях. Но вместе с тем определенно известно, что Рюкбейль жил и много собирал в окр. Кендерлыка [казачий выселок у подножия хр. Тарбагатай], который Гомейером и Танкрэ также причислен к Алтаю» (Сушкин, 1938).

Объективно есть трудности в установлении мест его базирования и проживания. С целью просмотра коллекций в 1882 г. в Алтайской станице «Рикбейля» посетил зоолог, в то время еще студент А.М. Никольский (1858–1942), изучавший птиц Алтайских гор. Зная, что в состав экспедиции Никольский попал по протекции научного руководителя, вышеупомянутого орнитолога М.Н. Богданова, их общего знакомого, встреча вовсе не кажется случайной. Почти все сборы коллектора Танкрэ, о которых он сообщает, были сделаны в окрестностях станицы, но одновременно там имелись материалы, добытые на «белках Курчумского хребта» (Никольский, 1884).

Кое-что для выяснения сроков работы на Алтае содержится в статье Р. Блазиуса о грызуне слепушонке Танкрэ, или восточной *Ellobius tancrei*. «Все семь шкурок, которые послужили мне для описания этого нового вида, были собраны поблизости от оз. Зайсан, в Алтае (южная Сибирь), г-ном Рюкбейлем, коллектором г-на фабриканта Рудольфа Танкрэ из Анклама. Первая – весной 1881 г., последняя – осенью 1883 г. Экземпляры № 5 и 6 снабжены более конкретными ярлыками: Kenterlik, Tarbachatai Geb[irge], Mitte September 1883.

Кендерлык находится около Зайсанского поста» (Blasius, 1884). Информация из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона (1890–1907): «Зайсанский пост. Казачий форштадт, центр управления Зайсанским приставством Семипалатинской обл., на р. Джемени, впадающей в р. Кендерлык, приток оз. Зайсан». Озеро окружено Алтайским, Саур-Тарбагатайским и Калбинским хребтами – да, было куда ходить и где ловить!

Явно пересекались у Рюкбейля дороги с Михаилом Ильичем Суворцевым, хранителем Семипалатинского областного музея, возникшего в 1883 г., который был энтомологом-любителем, собирал коллекции насекомых. В статье о фауне дневных бабочек Алтая и Семипалатинской области, основанной на личных сборах автора, он писал об аполлоне *Parnassius tenedius*: «этот редкий вид в первый раз был найден Рикбейлем на северном склоне Нарынского хребта около станицы Алтайской» (Суворцев, 1894).

Известный английский исследователь природы Алтая, ботаник и энтомолог Г. Эльвес [Elwes, Henry John, 1846–1922] был весьма неплохо осведомлен о результатах работ Евгена в тот период. «Совсем недавно г-н Рюкбейль [в оригинале: «Ruckbeil»], известный коллекционер, нанятый г-ном Рудольфом Танкрэ, провел три сезона в окрестностях оз. Зайсан, а также в Катон-Карагае и Чингистае, находящихся немного южнее и западнее района, исследованного Киндерманом [Kindermann-junior, Albert, 1810-1861; австрийский коллектор]. Хотя в отношении его коллекции ничего не было опубликовано, благодаря доброте г-на Танкрэ [у которого находились все сборы] я могу дать список *Rhopalosega*, который включает несколько видов, не обнаруженных Киндерманом, большинство из которых, по-видимому, относятся скорее к фауне Туркестана, чем Алтая» (Elwes, 1899). В статье приводятся данные по 25 видам дневных бабочек, собранных Евгеном Рюкбейлем. Мы предполагаем, что заметное тяготение к местам дислокации казачества совсем не случайно. Видимо, причина кроется в связях жены, облегчавших семье существование.

Подойдя к освещению самого плодотворного периода деятельности Рюкбейля-отца и его сыновей, времени изучения Тянь-Шаня и других горных поднятий Центральной Азии, мы столкнулись с большими трудностями при описании маршрутов исследователей. Основную причину иллюстрирует типичная ситуация, описанная немецким лепидоптерологом Р. Пюнгелером [Püngeler, Rudolf, 1857–1927] в одной из статей. «Виды были собраны в 1900 г. в китайской части Туркестана Рюкбейлем и его сыновьями для мистера Танкрэ. Отправной точкой был город Аксу. Сыновья Рюкбейля пошли отсюда на север, следуя параллельно одноименной реке, и сосредоточились главным образом [на коротких выходах] в высокие горы. Сам Рюкбейль повернул к югу и ловил в пустыне и в горах на реках Тарим и Хотан. Коллекции, собранные им и его сыновьями, не были доставлены [мне] раздельно, так что назвать точные местонахождения [бабочек], по крайней мере, в данный момент, невозможно» (Püngeler, 1901).

Вторая причина была объяснена О. Банг-Хаасом, наследником фирмы О. Штаудингера. «Сборы Рюкбейля и его сыновей. Я обнаружил, что названия мест обитания многих видов, собранных этими превосходными коллекторами,

были неправильно указаны, вероятно – Танкрэ. Материалы, собранные на пространстве от гор Тянь-Шаня до Наньшаня и р-на оз. Кукунор не были, по-видимому, разделены между собой достаточно тщательно, в соответствии с различиями между местностями, также как и сборы Рюкбейля и его сыновей с гор к северу от г. Аксу и р. Хотан. Несмотря на тщательные поиски, я не смог получить никакой информации о точном местонахождении мест ловли в 1889 г., которые были указаны как «Иссык-Куль». Коллекционные сборы Рюкбейля и двух его сыновей были принесены Танкрэ в жертву торговому бизнесу» (Bang-Naas, 1927). Добавим, что немалое количество материалов были неверно проэтикетировано – вероятно, во время хранения или формирования посылок у Р. Танкрэ. Могли также дополнить серию недостающим числом «похожих» экземпляров. Примерами служат вопиющие случаи вроде *Parnassius maximinus* с р. Амур или *P. tenedius* с оз. Иссык-Куль (см. Rothschild, 1918; Stichel, 1909). Поэтому мы ограничимся обобщением, сделанным Г.Е. Грумм-Гржимайло в предисловии к публикации обработанных им записей В.Е. Рюкбейля.

«Приводя свои бумаги в порядок, я нашел среди них путевые записки Василия Рюкбейля, сына известного коллектора Рюкбейля-отца, с которым мне довелось познакомиться в 1883 г. в Сарепте. С юных лет этот последний, страстный охотник, стал работать на торговую фирму, Танкрэ, в Анкламе, поставляя ей вначале лишь шкурки птиц, их яйца и мелких грызунов Юго-Восточной России, а затем и водящихся в ней насекомых, преимущественно бабочек и жуков. В конце восьмидесятых годов прошлого столетия он перенес свою деятельность в Азию и, обосновавшись сначала в г. Караколе, затем в Джаркенте, стал предпринимать отсюда экспедиции вглубь Центральной Азии и, забираясь в ней все дальше и дальше, объездил Центральный Тянь-Шань, Восточный Памир, бассейн Тарима, где побывал в Карашаре, Марал-баши, Яркенде, Хотане, Кэрии и на озере Лоб-норе, затем проник в Цайдам, на западной окраине которого чуть не погиб, и дважды с запада достигал озера Кукэ-нора. Из всех этих местностей он выслал в Германию огромный естественноисторический материал, который меня всегда особенно интересовал, служа проверкой полноты моих собственных сборов. В последней из этих экспедиций, которые он совершал всегда лишь вдвоем с преданным ему киргизом, он скончался, передав свою страсть к странствованиям сыну Василию (Грумм-Гржимайло, 1931).

Как нам удалось выяснить, при описании нового аполлона *Parnassius delius* var. *Ruckbeili* французский лепидоптеролог Г. Деккерт [Deckert, Henri] указал, что это название «посвящается Рюкбейлю-старшему, который умер в 1906 г. на Лобноре, пав жертвой собственной преданности энтомологии» (Deckert, 1909). Символично, что материалом ему послужили 60 экз. этой бабочки, собранных Рюкбейлем-младшим в июле 1908 г. в горах недалеко от г. Баркуль.

Далее Грумм-Гржимайло рассказывает о Василии Евгеньевиче Рюкбейле. «Ниже я печатаю краткий очерк путешествия этого последнего в горы Астынтаг в 1907 году, которое было не первой далекой его поездкой вглубь Центральной Азии: в 1905 году он побывал в Баркульской долине и коллектировал в Карлык-тагских горах. В. Рюкбейль не пошел далее городского училища; своего

родного, немецкого, языка он не знал, зато хорошо владел туземными: киргизским и таранчинским [уйгурским] наречиями. Как собиратель коллекций он вполне заменил для фирмы Танкрэ своего покойного отца. С научными названиями насекомых и птиц он ознакомился по собранным его отцом и им самим коллекциям образцов, определенных Танкрэ. Понятно, что не ко всем определениям Рюкбейля следует относиться с одинаковым доверием. От его путевых заметок нельзя, конечно, ожидать многого. Но они хорошо рисуют природу посещенных им районов Центральной Азии, почему я и решил ими заняться. К тому же Рюкбейль посетил эти районы в весенние, в климатическом отношении самые неблагоприятные месяцы в году, остававшиеся до последнего времени без непосредственных наблюдений европейских путешественников, что увеличивает научный интерес заметок» (Грумм-Гржимайло, 1931).

Коллеги из Манчестерского университета М. Докери и Д. Логунов опубликовали полезное исследование о крупном коллекционере парусников Д. Лонгсдоне [Longsdon, David, 1864–1937]. Из сохранившейся переписки стали известны многие перипетии его ценовых баталий с торговцами бабочками. Беспристрастные свидетели, эти письма дают представление о том, как «мир богатого британского кабинетного коллекционера тропических бабочек контрастировал с опасной работой полевого сборщика, которому приходилось справляться с многочисленными трудностями при сборе насекомых» (Dockery, Logunov, 2015). Это иллюстрирует один из эпизодов в рассказе В. Рюкбейля.

На обратном пути через перевал Музарт «шли ледником. Благодаря лужам воды на его поверхности, трещинам, шуму трескавшегося льда и падавших камней, путь этот не только был преисполнен трудностей, но и действовал на нервы людей и животных. Смытые дождем следы дороги вскоре были потеряны. Пришлось идти наудачу, пока не добрались до узкого коридора во льду, где выбиты были ступени, указавшие, что караван находился на верном пути. Но путь этот оказался здесь адским. К счастью, им навстречу вышли четыре туземца, работавшие над исправлением дороги. Они взялись провести завьюченных лошадей на перевал, не развьючивая их в опасных местах. Рюкбейль решил им довериться. Но в том месте, где дорога вступила на полосу льда, ограниченную с обеих сторон трещинами, задняя из лошадей, испугавшись зловещего шуршания во льдах, сделала неудачный прыжок вперед, поскользнулась и упала, причем сбившийся на бок вьюк потащил ее в трещину, куда она и полетела, когда порвался повод, за который ее держали двое рабочих. Все это было делом одного мгновения. Рюкбейль остолбенел от ужаса: это была самая лучшая, самая надежная из его лошадей, почему и несла наиболее ценное: [китайское] ямбовое серебро [в слитках] и коллекции. Среди рабочих нашелся один отважный человек, который вызвался спуститься в трещину. Там он твердо укрепился на вмерзшем в лед отторженце, дотянулся до застрявшей в камнях, благодаря вьюку, лошади, обвязал вьюк спущенными ему арканами, перерезал ножом седельную подпруду и веревки, укреплявшие вьюк на спине лошади, и скомандовал тащить его кверху. Сундуки были спасены, но палатка, завернутые в нее лисьи шкуры, купленные в Чархальке, и затем орудия лова насекомых и весь сбор по Тариму, находившийся в особом ящике, рухнули на дно трещины, где

шумела вода, вместе с полетевшей туда же лошадей. На следующий день тот же рабочий при помощи своих товарищей спустился на дно трещины, откуда извлек два сачка для ловли насекомых и седло. Все остальное, очевидно, было унесено водой» (Грумм-Гржимайло, 1931). Нет сомнения, что происшествие сказало на цене естественнонаучного товара!

О количестве отправлявшегося материала сведений немного. «Осенью 1911 г. я получил от г-на В. Рюкбейля, члена известной династии коллекторов, сборы чешуекрылых числом около 7.500 экз., представляющих несколько сотен видовых форм, которых он собирал в период с конца апреля до начала сентября» (Wagner, 1913). «Прошло только три дня, как я освободился от очень кропотливой работы по разборке насекомых, привезённых мною из Китая в прошлом году, которые состоят из многих отрядов, собранных смесью. После отправки моего последнего письма к Вам я получил несколько писем от русских коллекторов, из которых один просил прислать ему бабочек на просмотр, другой – прислать некоторых жуков, третий - пчел и некоторых жуков, четвертый - прислать ему шмелей, так что всю смесь насекомых мне пришлось разбить на несколько частей, которые еще нужно было разбить на отряды и семейства, что можно было сделать, прежде предварительно размачивая насекомых. Эта работа отняла у меня много времени, так как мне приходилось проделать это с 8.000 насекомых, а поэтому мне опять не удалось исполнить данного Вам обещания послать Вам в конце марта более 2.000 блох, но я надеюсь, что, входя в моё положение, ставшее по случаю войны, из-за которой я так долго не мог продать насекомых из Китая, Вы извините меня и останетесь довольны пока присланными блохами и клопами, количество которых превышает 1.600 шт.» (из письма Ч. Ротшильду 9.04.1915 г.).

В.Н. Шнитникова (1925) мы уже цитировали ранее (Новомодный, 2019). До какой степени он был осведомлен в делах Рюкбейлей, говорит такой случай. Когда его экспедиционный отряд после переправы через р. Нарын вблизи урочища Тогуз-Торау подошел к горам и встал лагерем, «разбитом у подножия Каргалыкского перевала», Шнитников заметил: «между прочим, по соседству с нашею стоянкою расположена пещера, в свое время служившая жильем тому же Рюкбейлю во время одной из его коллекторских экспедиций» (Шнитников, 1930). В монографии «Птицы Семиречья» он тоже не забыл их упомянуть. «В Семиречье жили лица, занимавшиеся собиранием естественноисторических коллекций с чисто коммерческой целью и делавшие из этого занятия источник существования. Из таких лиц наибольшей известностью пользовался в свое время старик Рюкбейль (г. Пржевальск), ныне умерший, но оставивший после себя продолжателей в лице своих двух сыновей (г. Джаркент и селение Покровское), а в последствии и внука [это новость!]» (Шнитников, 1949). По информации из «Ежегодника Зоологического музея Императорской Академии наук» (Т. 20, 1916 г.), при его посредничестве в 1915 г. туда поступила «тщательно препарированная коллекция г. Рюкбейля из окр. Джаркента: Chiroptera [рукокрылые] – 3, Carnivora [хищные] – 2, Rodentia [грызуны] – 18».

Справочник по мировым энтомологическим коллекциям раскрывает имена энтомологов, которые в первую очередь получали азиатские сборы Василия,

его отца и брата. «Rückbeil, W. Sammlungsverbleib: Zusammen mit Vater (Eugen) und Bruder (Georg) in Sarepta, Prshevalsk und Dzharkent. - Verkauften zwischen ca. 1892 und 1914 ihre Ausbeuten (spez. Coleoptera und Lepidoptera) aus Turkestan, Semirjetschensk, Chinesisch-Turkestan (Tian-Shan, Juldus, Aksu-Musart), Mongolei, des Kukulnor-Gebietes (1898) und Transbaikalien (Selenga 1908): ex parte an → R. Tancre, ex parte (Col.), via Tancre an → Fr. Hauser, ex parte via G. L. Suvorov an Zool. Mus. Leningrad, ex parte (Col. 1911) an → Alb. Winkler, ex parte (Lep. 1911) an → F. Wagner» (Horn et al., 1990).

Здесь учтено далеко не все. Сотрудник-препаратор Гамбургского музея микролепидоптеролог А. Заубер [Sauber, Christian Johannes Amandus, 1846–1917] сообщал в статье, что «новые виды, описанные ниже, находясь в моей коллекции, и я обязан им доброте мистера Рудольфа Танкре из Анклама; все они собраны г-ном Евгеном Рюкбейлем, ревностным и неутомимым коллектором вышеупомянутого господина; выражаю им обоим свою искреннюю признательность» (Sauber, 1899). Им были описаны такие таксоны, как *Cledeobia graeseri*, *Hyphercyna luedersi*, *Botys rueckbeili*, *B. issykkulensis*, *B. rectifascialis*, *B. kukunorensis*, *B. oefectalis*, *B. fulcralis*, *Eurycreon ziczac*, *Orobena griseostriatalis*, *O. sorhageni*, *O. kukunorensis*, *Pogonophorus tancrei*, *Adela kukunorensis*, *Adela badioumbratella*, *A. tancrei*.

Несколько статей с описаниями новых таксонов каждый выпустили на основе обработки рюкбейлевских материалов О. Штаудингер и Р. Пюнгелер. Лепидоптеролог А.Н. Авинов (1884–1949) ориентировочно с 1908 г. стал его постоянным клиентом. Небольшую часть из первых поступлений он в 1909 г. передал в Зоологический музей АН, а его большая личная коллекция попала туда после реквизиции, уже в советское время. Этим и объясняется, почему «почти все пойманные экземпляры локсиуса [*Parnassius loxias*], а их было довольно много, около сотни штук, минуя Европу, попали в петербургский ЗИН» (Лухтанов, Лухтанов, 2012). Строки из писем Василия Ч. Ротшильду: (7 января 1912 г.) «Этим летом я буду производить сборы в китайских пределах в окрестностях Аксу на южном склоне Тянь-Шаня, куда я еду от лица Русского Императорского Географического общества [ИРГО] главным образом для сбора *Rhopalocera* для русского специалиста и для сбора млекопитающих для г-на Томас»; (8 апреля 1912 г.) «Член Русского Императорского Географического Общ. г-н Авинов особенно интересуется Цайдамом и его окрестностями. Этими же местностями интересуется Ваш друг г-н Томас, наверно, не менее интересна эта местность и для Вас, и поэтому мне очень хотелось бы посетить места, где природа еще мало исследована в сравнении с нашим Туркестаном. Я желал бы, чтобы Вы все трое: Вы, г-н Томас и г-н Авинов, для которого я работал уже не один год и для которого, собственно, я и совершаю поездку в Аксу, между собой списались бы и направили бы меня к будущему лету к Цайдаму или в Алтай не позже как в половине февраля месяца будущего года». Упомянутый здесь английский зоолог О. Томас [Thomas, Oldfield, 1858–1929] по материалам В.Е. Рюкбейля написал статью о мелких млекопитающих окрестностей Джаркента (Thomas, 1914).

В этих словах содержится объяснение доступности для него заграничных вояжей: через А.Н. Авинова он пользовался дипломатической поддержкой ИРГО. Ни в одном из писем 1911–1915 гг. В. Рюкбейль не упоминает о Танкрэ, хотя в записках, опубликованных Г.Е. Грум-Гржимайло, он говорил, что в 1907 г. выехал лишь «после того, как Танкрэ маршрут этот одобрил». Видимо с братом блоховеда, бароном У. Ротшильдом [Rothschild, Lionel Walter, 1868–1937], общался только фабрикант-орнитолог, переправивший ему материал из Джаркента (см. Rothschild, 1902). Произошла замена: основным заказчиком и финансистом, определявшим сроки и направление поездок стал кто-то другой.

Предположительно это был Немецкий Энтомологический музей-институт Общества Кайзера Вильгельма – «Die Deutschen Entomologischen Institut der Kaiser Wilhelm-Gesellschaft in Berlin-Dahlem» и крупнейшая энтомологическая фирма того времени «Winkler & Wagner» из Вены, дело вышеупомянутого Ф. Вагнера [Wagner, Fritz, 1873–1938]. Из письма от 20 декабря 1913 г.: «Три дня назад я получил благодарность за собранных бабочек и вновь поручение по сбору насекомых к будущему лету. Зоологический музей в Германии, для которого в лето этого года я собирал бабочек, обещая авансировать меня, предлагает мне сделать поездку в Китай. Каковую предлагается завершить в 6 месяцев. Члены музея: профессор и консерватор музея советуют мне выехать из Джаркента около 15 апреля и держать путь через Кульджу на Кам, откуда, следуя вверх по течению Текеса, дойти до местности, где в него впадает река Аксу. В откуда следуя вверх по течению Текеса, дойти до местности, где в него впадает река Аксу. В местности Кок-су и Большого Юлдуза предлагают мне поработать 1,5 месяца, то есть приблизительно от 1 мая до 15 июня и собираясь дальше на юго-восток, достичь города Кара-шар около 1 июля, где я должен пробыть 2 недели, а оттуда держать путь на Турфан (по караванной дороге). От Турфана я должен направиться на Богда-ола, где пребывая целый месяц, около 10 сентября прибыть в Урумчи, а оттуда на Манас, Шихо и Сайрам-нор». Письмо с описанием постигших его на этом пути трудностей и неудач мы поместили в приложении к данной статье.

Многочисленные злоключения сборщика тронули сердце хранителя ротшильдовской коллекции блох, Ф. Смига [Smit, Franciscus Gerardus Albertus Magia, 1920-2000]; он обнародовал часть переписки в переводе на английский в малодоступном издании (Smit, 1980). В.С. Агеев из Казахского научного центра карантинных и зоонозных инфекций им. М. Айкимбаева изучил этот источник и использовал в публикации. «В. Рюкбейль – житель Жаркента, представитель известной семьи профессиональных коллекторов, совершивших многочисленные экспедиции в труднодоступные уголки Северо-Западного Китая в 1882–1914 годах. В 1912–1913 гг., работая по заданию британского банкира и энтомолога Ч. Ротшильда, в районе Жаркента и Нарынкола (ныне Алматинская область Казахстана) он собрал богатейшую коллекцию блох, которая в настоящее время хранится в Британском музее естественной истории (Тринг, Англия). По сборам В. Рюкбейля из Казахстана Ч. Ротшильд и К. Йордан описали 25 новых видов и подвидов блох, в том числе таких известных переносчиков чумы, как

Xenopsylla hirtipes и *X. minax*) (Агеев и др., 2012; Rothschild, 1913; Jordan, Rothschild, 1915). От В.С. Агеева мы сначала получили публикации Ф. Смита, а со временем одному из нас в Лондоне удалось скопировать оригиналы писем с ценнейшей информацией.

Ч. Ротшильда с В. Рюкбейлем связал, по-видимому, А.Н. Авинов, который пытался собирать для него блох в Гималаях. Но тот его использовал, кажется, вслепую, не предупредив. Сейчас мы знаем, как опасно контактировать с живностью в местностях, где свирепствуют природно-очаговые инфекции. Извиняясь за плохой сбор, супруга Василия Вера Гавриловна в письме от 5 ноября 1913 г. подробно сообщает о том, как драматично в течение лета чем-то тяжело переболела вся их семья из шести человек. Хозяин, не вставая, полмесяца пролежал в «лихорадке, к которой примкнула инфлюэнца, сильная ломота в ногах и ключицах, жар необыкновенный: было 40 градусов». Сбор паразитов чреват, но не это явилось причиной прекращения сотрудничества, а начавшаяся Первая Мировая война, полностью лишившая связи с германцами и сильно усложнившая – с Англией. О последних днях жизни коллекторов до сих пор ничего не известно.

Мы намеренно почти отказались от приведения здесь списков животных, собранных Рюкбейлями за весь период коллекторской активности, хотя их легко можно найти в Сети Интернет, в каталогах и перечнях исследованных научных материалов. Они просто огромны – это фундамент биологии, вечная память, не говоря уже о патронимах типа «guesckbeili» и им подобных. Кажется, нам удалось в первом приближении достичь поставленной цели, хотя поиск документальных источников еще не закончен. Слишком длителен был период деятельности диаспории и широк круг общения, чтобы они не отложились где-то в архивах. Поскольку препараты-путешественники работали в основном на границу, там и следует ожидать обнаружения исторических свидетельств об этой замечательной семье.

Благодарности

Считаем приятным долгом выразить искреннюю признательность за бескорыстную помощь и сотрудничество в розыске редких литературных источников и полезное обсуждение темы В.П. Белику (Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону), В.С. Авдееву и А.Г. Лухтанову (Казахстан, г. Алматы), а также В.В. Дубатолову (ИСиЭЖ СО РАН, г. Новосибирск).

ЛИТЕРАТУРА

Агеев В.С., Абделиев З.Ж., Аймаханов Б.К., Кожакметова М.К. 2012. Коллекции млекопитающих и их блох в Казахском научном центре карантинных и зоонозных инфекций, история их создания и научное значение. *Наземные позвоночные животные аридных экосистем: Материалы междунар. конф..., посвященной памяти Н.А. Зарудного (24–27 октября; 2012; Ташкент)*. Ташкент: Chinor ENK. С. 8–14.

Бакиев А.Г. 2012. Гадюка *Vipera renardi* (Christoph, 1861): о видовом первоописании и его авторе – Хуго Христофе. *Изв. Самарского научного центра РАН*, 14(5): 155–158.

- Белик В.П. 2017.** История изучения птиц Волгоградского Поволжья. *Поволжский экологический журнал*, 3: 207–239.
- Богданов М.Н. 1871.** Птицы и звери Черноземной полосы Поволжья и долины Средней и Нижней Волги (био-географические материалы). *Тр. о-ва естествоиспытателей при Императорском Казанском университете*, 1(1): 1–226.
- Богданов М.Н. 1875.** Обзор экспедиций и естественноисторических исследований в Арало-Каспийской области с 1720 по 1874 г. *Тр. Арало-Каспийской экспед. Вып. 1. Приложение к «Тр. С.-Петербургского о-ва естествоиспытателей»*. СПб. С. 1–53.
- Вашкау Н.Э. (авт.-сост.). 2009.** *История Сарепты в документах: Сб. док.* Волгоград: Волгоградский гос. унив. 275 с.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. 1931.** Путешествие в горы Астын-таг. По путевым запискам Василия Рюкбейля изложил Г.Е. Грумм-Гржимайло. *Изв. Государственного географического о-ва*, 63(4): 300–316.
- Грумм-Гржимайло А.Г. 1947.** *Дела и дни Григория Ефимовича Грумм-Гржимайло (путешественника и географа). 1860-1936.* М.: МОИП. 94 с.
- Дитц Я.Е. 1997.** *История поволжских немцев-колонистов.* М.: «Готика». 495 с.
- Корнилов И.П. 1859.** Заметки об Астраханской губернии. *Вестник Императорского русского географического о-ва*, 9(27): 1–49.
- Лухтанов А.Г., Лухтанов В.А. 2012.** «Охотники за бабочками». *Путешествия, приключения.* Алматы. 180 с.
- Никольский А.М. 1883.** Путешествие в Алтайские горы летом 1882 года (Часть Зоологическая). *Тр. С.-Петербургского о-ва естествоиспытателей*, 14(1): 150–218.
- Новомодный Е.В. 2007.** Дальневосточное путешествие Г.Ф. Христофа (1876–1877 гг.). *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 18.* Владивосток: Дальнаука. С. 5–28.
- Новомодный Е.В. 2018.** Деятельность агентов дилера натуральных коллекций Рудольфа Танкрэ на Дальнем Востоке России. *Чтения памяти Алексея Ивановича Куренцова. Вып. 29.* Владивосток: ФНИЦ Биоразнообразия ДВО РАН. С. 5–22.
- Сагалаев В.А., Курышёв А.В. 2010.** Выдающийся натуралист из Сарепты. *Первые Международные Беккеровские чтения (27-29 мая 2010).* Ч. 1. Волгоград: ТриАС. С. 1–2.
- Суворцов М.И. 1894.** Очерк энтомологической фауны Алтая и Семипалатинской области. *Записки Западно-Сибирского отд. Императорского русского географического о-ва*, 17(1): 1–14.
- Сушкин П.П. 1938.** *Птицы Советского Алтая и прилежащих частей Северо-Западной Монголии. Т.1.* М.-Л.: АН СССР. 317 с.
- Фишер-фон-Вальдгейм А. (ред.). 1913.** *Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад за 200 лет его существования (1713-1913). Юбилейное издание, составленное членами сада в 3 ч. Ч. 1.* СПб.: Тип. акц. об-ва Тип. дела. 408 с.
- Шнитников В.Н. 1930.** Поездки по Семиречью. (Загорная часть б. Пишпекского у. и юго-западная часть б. Пржевальского). *Тр. Киргизского научно-исследовательского института краеведения*, 1(1): 1–65.
- Шнитников В.Н. 1949.** *Птицы Семиречья.* М.-Л.: АН СССР. 665 с.
- Шнитников В.Н. 1925.** *История научного исследования Джэтысу (Семиречья).* Джэтысу (Семиречье). Естественно-историческое описание края. Ташкент: Узбекское гос. изд-во. С. 1–31.
- Artzibascheff N. 1859.** Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858. *Bull. de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, 32(3): 1–108.
- Artzibascheff N. 2015.** Excursions et observations ornithologiques sur les bords de la Sarpa en 1858. *Стрелет*, 13(2): 5 – 50. (перевод на рус. яз.)
- Bang-Haas O. 1927.** *Horae Macrolepidopterologicae regionis palaearticae. Vol. 1.* Dresden-Blasewitz: O. Staudinger & A. Bang-Haas. 128 pp.

Becker A. 1853. Verzeichnis der in Jahren 1849-1852 bei Sarepta beobachteten Vogel. *Bull. de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, 26(1): 239–241.

Blasius R. 1884. *Ellobius Tancrei* nov. sp., ein neuer Moll-Lemming oder Wurfmoll aus dem Altai-Gebiete. *Zoologischer Anzeiger herausgegeben von Prof. J. Victor Carus in Leipzig*. 7(157–184): 197–201.

Christoph H. 1878. Nach und vom Amur. *Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin*, 10–12: 201–219, 401–410.

Dockery M., Logunov D.V. 2015. David Longsdon (1864–1937) and his collection of swallowtail butterflies (Papilionidae) at the Manchester Museum. *Russian Entomological Journal*, 24(2): 155–179

Deckert, H. 1909. Description de *Parnassius* nouveaux. *Bulletin de la Société entomologique de France*, 6: 108–109.

Elwes H.J. 1899. On the Lepidoptera of the Altai Mountains. *Transactions of the Entomological Society of London*, 1899: 295–367.

Friederichsen, M. 1904. Forschungsreise in den Zentralen Tiën-schan und Dsungarischen Ala-tau (Russisch Zentral-Asien) im Sommer 1902. *Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg*, 20: 1–311.

Glitsch, C. 1865. Beiträge zur Naturgeschichte der *Antilope saiga* Pallas. *Bull. de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, 38(1): 207–245.

Homeyer E.F. von, Tancre, C.A. 1883. Beiträge zur Kenntnis der Ornithologie Westsibiriens, namentlich der Altai-Gegend. *Mitteilungen des Ornithologischen Vereins in Wien*, 7: 81–92.

Horn W., Kahle I., Friese G., Gaedike R. 1990. *Collectiones entomologicae: Ein Kompendium über den Verbleib entomologischer Sammlungen der Welt bis 1960. Teil 1. A bis K; Teil 2. L bis Z.* Berlin: Akad. Landwirtschaftswiss. der DDR. 220 p. + 221–573 p.

Jordan, K., Rothschild N.C. 1915. On some Siphonaptera collected by W. Rückbeil in East Turkestan. *Ectoparasites*, 1: 1–24.

Moeschler H. 1853a. Einige Notizen über die in der Umgegend der Kolonie Sarepta vorkommenden seltneren Vögel. Aus einem Briefe an H. Moeschler, nebst Anmerkungen von Dr. J. F. Naumann. *Naumannia. Archiv für die Ornithologie, vorzugsweise Europa's. Organ der deutschen Ornithologen-Gesellschaft. Herausgegeben von E. Baldamus*, 3: 23–30.

Moeschler H. 1853b. Bericht aus Sarepta an H. F. Moeschler in Herrnhut. *Naumannia. Archiv für die Ornithologie, vorzugsweise Europa's. Organ der deutschen Ornithologen-Gesellschaft. Herausgegeben von E. Baldamus*, 4: 296–307.

Püngeler, R. 1901. Neue Macrolepidopteren aus Centralasien. *Deutsche Entomologische Zeitschrift (Iris)*, 14: 177–191.

Rothschild N.C. 1913. Five new Siphonaptera from Asiatic Russia, collected by W. Rückbeil. *Annals and Magazine of Natural History, Ser. 8.* 12(72): 538–544.

Rothschild W. 1902. List of a collection of birds made south of the Issik-kul in Russian Turkestan. *Novitates Zoologicae*, 9(2): 161–168.

Rothschild W. 1918. Catalogue of the Parnassiinae in the Tring Museum. *Novitates Zoologicae*, 25: 218–262.

Sauber A. 1899. Neue paläarktische Mikrolepidopteren aus Centralasien. *Verhandlungen des Vereins für Naturwissenschaftliche Unterhaltung zu Hamburg*, 10: 47–68.

Severtzof N. 1863. Mikroskopische Untersuchungen über die Verfärbung der Federn zum Hochzeitskleide bei einigen Vögeln, nebst Betrachtungen über das Verhältniss derselben zur Mauser. *Mélanges biologiques tirés du Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg*, 4: 311–334.

Smit F. 1980. Flea collecting. Some adventures and misadventures of W. Rückbeil during 1913-1915. *Flea News*, 18: 1–6.

Staudinger, O. 1888. Neue Noctuiden des Amurgebietes. *Entomologische Zeitung herausgegeben von dem entomologischen Vereine zu Stettin*, 49: 245–283.

Staudinger O. 1892. Die Macrolepidopteren des Amurgebiets. I Theil. Rhopalocera, Sphingine, Bombyces, Noctuae. *Mémoires sur les Lépidoptères*, Ed. N.M. Romanoff, 6: 83–658.

Staudinger O. 1897. Die Geometriden des Amurgebiets. *Deutsche Entomologische Zeitschrift (Iris)*, 10: 1–122.

Stichel H. 1909. 12: Gattung Parnassius, Augenspiegelfalter. P. 19–36. In: Seitz A. *Die Gross-Schmetterlinge der Erde, 1 Abt.: Die Großschmetterlinge des palaearktischen Faunengebietes, Band 1: Die palaearktischen Tagfalter*. Stuttgart: Alfred Kernen.

Thomas O. 1914. On small mammals from Djarkent, Central Asia. *The Annals and magazine of natural history; zoology, botany, and geology*, 13(8): 563–573.

Wagner F. 1913. Beitrag zur Lepidopterenfauna des Iligebietes sowie des Sary-Dschas (Asia centr.). *Entomologische Mitteilungen*, 2: 88–95.

Из переписки В.Е. Рюкбейля (г. Джаркент) с Н.Ч. Ротшильдом, хранящейся в архиве Музея естественной истории (г. Лондон). (Custodian of the Rothschild Collection of Siphonaptera. Correspondence and Papers of the Natural History Museum: DF ENT /340/19/12, DF ENT 340/19/13; DF ENT 340/19/14)

г. Джаркент, 20 сентября ст. ст. 1914 г.

Великий Господин Ротшильд!

Недавно я прибыл домой из нынешнего очень тяжелого путешествия по Китаю и спешу сообщить Вам, что посланные Вами деньги на имя моей жены получены и я приношу Вам мою глубокую благодарность за поспешное удовлетворение и очень жалею что в лето этого года ничего не мог собрать для Вас, хотя мною были взяты с собой около 40 капканов (ловушек), для добывания млекопитающих животных, пробирки, спирт, и все, что нужно было для этой цели, а для того чтобы собрать по возможности полные коллекции блох, я брал с собой одного лишнего человека, которому было положено жалование по 12 руб. в месяц на моих харчах, причем выдал ему жалование вперед за 4 месяца, но в пути меня настигло несчастье, и мне пришлось уволить работника, дав ему денег на дорогу.

Случилось так: по некоторым непредвиденным обстоятельствам мне пришлось выехать из Джаркента в самое худое время года, так что проезжая от Кульджи до Музарта я был лишен возможности ставить капканы, так как погода совсем не благоприятствовала этому, и к тому же еще я спешил попасть к темным ночам мая месяца в местность на севере Аксу, где должен был ловить на свет лампы ночных бабочек (*Arctia rueckbeili*) за высокую цену. До Музарта я ехал хорошо, несмотря на то, что каждый день был дождь, а когда прибыл на перевал, то встретил препятствия, и хотел вернуться, но с учетом обещаний, данных мною германцам заставили меня ехать через ледяной перевал Музарт, где до нашего приезда погибло 40 человек, идущих в Кульджу на заработки. Они были застигнуты большим бураном на перевале, который не утихал чуть ли не целый месяц, и который заставил нас простоять под перевалом (при подъеме на перевал) 8 дней ничего не делая. В течение этих дней мы съели все что было запасено нами в дорогу, а лошади уже голодовали. Пришлось поехать в Нарынкол (с. Охотничье) и сделать новый запас хлеба, чая и сахара, овса для лошадей. На это мы потеряли 5 дней итого уже вышло 13 дней безделья. Все это время буран не утихал, и нам пришлось простоять под перевалом еще 2 дня, по прошествии

которых буран начал утихать и мы пустились в путь. Только что мы успели въехать под полог леса, как начали встречать затруднения: лошади проваливались в снег и отказывались везти наш дорожный багаж, состоявший из 2 больших и 2 малых ящиков и перемётными сумами, в которых взяли много тяжелых вещей, и нам приходилось в некоторых местах весь багаж переносить на себе, проваливаясь в снег местами до пояса а местами и глубже но как бы трудно не было мы продолжали подниматься надеясь скоро подняться на высоту где снег должен был быть твердым. А так как выпавший снег был мокрым то ослабил и нижние слои снега лежавшего там еще с зимы, а местами снег походил на жидкий кал по которому только и можно было пройти только пешком ведя в поводу лошадей по камням в воде от чего в сапоги через край голенищ заливалась вода, которую мы выливали из сапогов попав лишь на более твердое место, причем снимали с ног чулки и подвертки для того чтобы их выжать и снова накрутить.

Таким образом мы поднялись до ледника, дорога через который была хуже, потому что местами перекрывали дорогу расщелины, а так как на таком месте не было и не бывает даже ломаной палки дерева, то переходы через расщелины были очень опасными несмотря на то что мы почти до надсады ворочали и носили больших размеров камни, которыми едва заваливали расщелины в таком месте где удобно было пройти самим и перевести лошадей, но сколько бы мы не старались благополучно провести лошадей, однако скоро остались с одной лошадей, с помощью которой мы еще могли спустить с медленного перевала часть нашего багажа. Большая часть багажа вместе с китайским серебром и бумажными деньгами взятыми на расходы по путешествию попали в пропасти (в ледяные расщелины), увлекаемые лошадьми, которые делая усиленные прыжки через расщелины падали на льду и скатывались в пропасть. А между тем погода опять начала ухудшаться и вскоре опять закрутился снег с дождем. Оставаться на том месте чтобы вернуть вещи и деньги значило заживо погresti себя в ледяную могилу. Ночь того дня мы провели под открытым небом. В следующий день, хотя и шел дождь, мы пешком поднялись к тому месту, где пропали наши лошади. Никто из нас не решался спуститься по верёвке в расщелину из опасения получить серьёзную болезнь, так как в расщелины стекала вода с поверхностей и могла бы вымочить человека до нитки. К счастью, на перевале находились два молодых сарта [оседлых туземца], поставленные китайским правительством для исправления дороги, которые прибежали на наш крик и помогли нам, конечно за большое вознаграждение достать деньги и вещи. Все, что было в расщелинах вымокло и сделалось настолько тяжелым что мы едва могли нести на себе, обливаемые целым потоком дождя. Стекланные вещи все оказались поломанными, в том числе было было сломаны и две бутылки со спиртом, уцелели только пробирки. Сёдла были попорчены, а ремни их перерезаны. Некоторые вещи в числе которых была посуда для варки пищи и питья, попало в такую часть расщелины, откуда вынуть их было немислимо. Что касается хлеба, то он оказался мокрым, а до населения было далеко. Подсушив вещи на этом месте, я отобрал необходимые вещи для сбора бабочек, для чего собственно я и совершал поездку в Китай, а все остальное, что оказалось лишним, сложил в пещеру, оставляя до обратного пути.

К несчастью, по случаю дурной погоды, караваны перестали в то время проходить через Музарт. Не подозревая еще худого места впереди, я завьючил необходимые вещи на одну лошадь с одним работником пешком по очень каменистой дороге я отправился к поселению где рассчитывал на покупку лошадей. Стоило больших трудов вброд переправиться через реку Музарт. К поселению мы едва прибыли только через три дня. Найти лошадей не удалось, потому что в селении было всего только 10 дворов из которых только в двух дворах нашлись 2 худощавые лошади и 2 ишака, на которых жители небольшого села нанялись везти нас до Аксу, за что, пользуясь случаем, взяли с нас в четыре раза дороже обыкновенного. Везли очень тихо, так как расстояние, которое я мог бы проехать на своих лошадях не более 4 дней мы проходили 7 дней. Между тем темные (не лунные)

ночи во время которых я полагал добыть до 100 шт. *Arctia rueckbeili* прошли. В Аксу мне тоже не удалось купить лошадей потому что были очень дороги: за таких лошадей, которые вполне могли бы быть пригодными к путешествию по пустынным горам Китая с меня запрашивали 80-100 и 120 рублей за каждую. Это мне было не под силу после пропажи моих лошадей, которые стоили 220 рублей, и мне опять пришлось нанять подводу, дабы не сразу расходовать все деньги. От Аксу я проехал в горы к северу от Аксу, пробыв 15 дней, проехав вдоль Чель-тага до Кучи, где купил 2 лошадёнки и оставляя в Кучи собранные коллекции, проехал в западную часть Курук-тага, т.е. в местность, отделяющую Карашарский уезд от Кучарского, где пробыл целый месяц, в течение которого находясь на большой высоте имел удовольствие собрать только бабочек, шмелей и жуков и с этим вернуться домой. Обратный путь сделал тоже через Музарт и только потому что там были оставлены некоторые вещи для перевозки которых опять приходилось нанять подводу, особенно потому что наши лошади были с больными спинами, а впереди им предстоял еще длинный путь, да и денег у меня оставалось столько, сколько их могло хватить только до Джаркента. Теперь очень досадую, что позарившись на *Arctia rueckbeili*, за которого мне обещали заплатить высокую цену, решил ехать через опасный в то время ледяной перевал Музарт, из-за которого и лишился возможности между делом, т.е. попутно пособирать блох, на которых я мог бы заработать что-то.

Прибывши домой, опять встречаю несчастье, которое объясняется тем, что потратив деньги на трудно доставшихся мне насекомых, лишаюсь возможности сбыть этот материал по случаю войны, а насекомые собраны по заказу германцев. Ждать, когда кончится война, очень скучно, потому что нуждаюсь в деньгах. Лошадей продал, но с убытком. Долго обдумывая это положение, я решил предложить этих насекомых другим энтомологам. Может быть у Вас в Лондоне есть знакомые Вам энтомологи, с которыми Вы наверно часто встречаетесь и нередко ведёте разговоры по отношению энтомологических фаун разных стран, я почтительно просил бы Вас между тем рассказать им о моей продаже насекомых. Я сам обратился бы к таковым с моим предложением, но к сожалению, не знаю их адресов. Как среди бабочек, так среди жуков и шмелей есть экземпляры редких насекомых, есть и экземпляры новые (энтомологическими сборами занимаюсь с 1899 года). Все насекомые собраны по русскому методу, т.е. на вату и снабжены верными указаниями на время и место их сбора. Количество всех предлагаемых мною насекомых я не подсчитывал, но так думаю что их будет приблизительно около или немного более 4.000 крупных и мелких бабочек, около или немного более 1.000 шмелей и более 1.000 жуков из которых около 1.000 шт. хороших *Carabus*'ов. Всю эту добычу я мог бы уступить за 1200 рублей, несмотря на то что в этих коллекциях есть такие насекомые, каких я сбываю энтомологам в Петрограде по 2, по 5 и по 10 рублей шт. Предложенные мной насекомые могут быть высланы по получению половины их стоимости. Пересылка за счет покупателей. В течение этой зимы и будущего лета до июля включительно хочу заняться добыванием млекопитающих животных нашей области и с них блох для пополнения прошлых сборов. Буду надеяться, что Вы не откажетесь принять от меня приблизительно в феврале будущего года значительную партию зимних блох, с которыми будут посланы Вам блохи имеющиеся у меня теперь, а также охотно примете от меня значительную партию и летних блох. Надеюсь, что Вы, без сомнения, пришлёте мне 200 рублей вперёд, дабы я мог успешнее собирать блох, чем премного меня обяжете. Вместе с тем, сообщаю Вам, что в июле или в августе будущего года я имею намерение поехать на Волгу в Саратовскую губернию, где как член Сарептского общества колонистов должен получить надел земли на три души, состоявшийся в прошлом году, а оттуда думаю съездить на Кавказ, а потому желательно бы знать Ваше мнение по отношению к блохам Семипалатинской области, Саратовской губернии и Кавказа. Ввиду того что я имею одно письмо от русского профессора Академии наук, который слыша обо мне обращается ко мне с просьбой собирать для него блох, прошу не замедлить с ответом. [Несомненно, что

это был зоолог Юлий Николаевич Вагнер, 1865–1946, русский специалист по блохам]. Очень было бы хорошо, если я мог бы еще сбывать в Лондон бабочек, жуков, шмелей и др. насекомых тех местностей, где буду собирать блох для Вас. Правда, одному трудно успевать собирать и то и другое, но у меня есть бедные родственники, с помощью которых я мог бы доставлять многое.

С пожеланием Вам всех лучших благ,

остаюсь Вашим преданным слугою В. Рюкбейль. W. Rückbeil.

[P.S.] Будьте любезны передать мой поклон и мои неудачи по путешествию Вашему другу, господину Томас, которому я не могу описать все по-немецки. Скучность знания немецкого языка позволяет мне писать по-немецки только короткие письма и то с большим трудом. W. Rückbeil.

THE COLLECTORS-NATURALIST'S OF RÜCKBEIL FAMILY DYNASTY: HUMAN FATES AND FATES OF THEIR COLLECTED MATERIALS

E.V. Novomodnyi¹, J.E. Shergalin²

¹ Khabarovsk Territorial Museum after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia

E-mail: evgenov@mail.ru

² Menzbir Ornithological Society, Tallinn, Estonia

E-mail: zoolit@mail.ru

Authors continue publication of the results of studies of the circumstances of life, work and scientific heritage of three generations of Rückbeil (Rickbeil) family dynasty, well-known skimmers-taxidermists of Rudolf Tancre. Their collecting activity, travel routes and little-known working relations among employers, customers and producers in the field of wildlife derivate trading are considered on the base of research of the unique archival documents and literature sources. The interesting details of travel management and features of field works in hard-accessible regions of Central Asia are also described.